

Итак, преступник добавил L.S.D. в еду, и я, ничего не подозревая, съел её, а затем контейнер был успешно уничтожен.

Мужун Цзю снова проанализировал все зацепки в голове, ещё раз обдумал свой план и тихо кивнул.

— Ацзю, даже если... даже если это правда, зачем ты пригласил ту женщину? — Шао Цихань, видя, что Мужун Цзю не хочет отвечать на его вопрос, настаивал, но в его голосе уже чувствовалось что-то новое.

С тех пор, как Мужун Цзю вдруг решил добавить Бай Сяоси в список приглашённых, спокойное сердце Шао Циханя снова заволновалось.

Он думал, что Мужун Цзю уже понял настоящую сущность Бай Сяоси и больше не испытывает к ней никаких чувств, но этот неожиданный шаг снова заставил его беспокоиться.

Теперь он, слишком увлечённый серьёзностью Мужун Цзю, начал нервничать. Он не только боялся, что его возлюбленный снова свяжется с этой женщиной, но и переживал, что если тот сон вдруг окажется правдой, то...

Тогда Ацзю и Бай Сяоси... лягут в постель вместе?

Нет! Ни за что! Шао Цихань твёрдо смотрел на Мужун Цзю.

Лучше пусть Ацзю насилует меня, чем какую-то другую женщину!

Мужун Цзю почувствовал на себе пристальный взгляд Шао Циханя и с недоумением спросил:

— Что с тобой?

— Что со мной? — беспокойство Шао Циханя вырвалось наружу. — Я просто беспокоюсь...

— А! Председатель! С днём рождения!

Слова Шао Циханя прервал весёлый и звонкий женский голос. Он недовольно обернулся и увидел, что в гостиной сидят и стоят около десятка мужчин и женщин.

Они незаметно дошли до зала.

— С днём рождения, старший!

— С днём рождения!

Увидев Мужун Цзю, все подошли поздравить его, и в зале стало шумно.

Шао Цихань стоял в стороне, хмуро наблюдая за Мужун Цзю, окружённым людьми.

Ему хотелось схватить Мужун Цзю и закричать на этих «наглых» и «беспокойных» людей: «Ацзю мой! Не смейте трогать!»

Но он мог только смотреть, как Мужун Цзю улыбается, благодарит их и ведёт в уже украшенный и празднично оформленный банкетный зал.

Шао Цихань смотрел издали, чувствуя себя холодным и голодным, как та маленькая девочка, которая могла лишь жалобно смотреть на веселящуюся толпу, считая свои единственные сокровища — несколько коробок спичек.

Когда Шао Цихань решил уйти в угол и зализать свои раны, к нему подошла женщина, пытаясь согреть его.

— Хань... давно не виделись! — Бай Сяоси слегка опустила голову, застенчиво сказав.

Одиноким Шао Цихань почувствовал себя ещё хуже. Это было похоже на то, как голодному нищему в ржавую миску подали кусок грязи. Он мрачно посмотрел на неё и хотел обойти эту «грязь».

— Хань! Что случилось, что ты так изменился?

Не успел он сделать и двух шагов, как в его ушах раздался невыносимый голос, произносящий ещё более невыносимые слова.

Шао Цихань резко обернулся, холодно усмехаясь.

Честно говоря, Бай Сяоси сегодня выглядела вполне прилично. На ней была милая зимняя одежда, лёгкий макияж подчеркивал её чистоту и миловидность. Её трогательное выражение лица и умело подобранные слова удивили Шао Циханя.

Эта женщина сильно изменилась.

В памяти Шао Циханя Бай Сяоси, будь то её поведение в ночном клубе или самодовольное выражение лица на балу, можно было охарактеризовать одним словом — «дура».

Теперь же её одежда и актёрские навыки значительно улучшились.

Но она всё равно оставалась дурой.

Шао Цихань засунул руки в карманы брюк и холодно сказал:

— Дура, не мечтай. Я никогда тебя не любил, нет — даже больше, я тебя презираю. Поняла? И ещё, я предупреждаю, держись подальше от Ацзю. Если я ещё раз увижу, что ты к нему приближаешься, береги себя.

Он поднял бровь и безжалостно добавил:

— Смотри, не умри.

Сказав это, он развернулся и ушёл, оставив ошеломлённую Бай Сяоси.

Она была в шоке.

Бай Сяоси, жившая в своих розовых мечтах, не могла принять такие откровенные и холодные слова. Её нос покраснел, глаза наполнились слезами, а губы дрожали.

Никто не знал, сколько сил она потратила на подготовку к этой встрече.

Кроме её матери.

Тот день в школе, когда она встретила Шао Циханя и Мужун Цзю, сделал её и без того тяжёлую ситуацию ещё хуже. Насмешки одноклассников обрушились на неё, а коллеги по студенческому совету стали ещё более открыто её избегать. Но больше всего Бай Сяоси расстроило то, что даже преподаватели, которые раньше её любили, стали относиться к ней иначе.

После этого она наконец осознала положение Шао Циханя и Мужун Цзю.

Она могла считать действия одноклассников завистью, но не могла игнорировать реакцию преподавателей.

Бай Сяоси чувствовала себя обиженной, злой, разочарованной и жаждущей.

Осознав эту пропасть, она не смогла сдержать своего желания.

Почему они могут, а я нет? Почему их происхождение признано, и они живут такой жизнью, а я, которая должна быть наследницей семьи Бай, стала изгоем?

Если бы она восстановила своё положение, Хань, возможно, проявил бы свои скрытые чувства?

Бай Сяоси наконец поняла, что Шао Цихань не хотел признавать её, а не мог, ведь второй сын Шао не может жениться на девушке из простой семьи.

Переполненная обидой, Бай Сяоси горько заплакала, вытерла слёзы и снова столкнулась с насмешками, презрением и ненавистью окружающих. Теперь она наконец поняла, что имела в виду Линь Дайюй, говоря о «ветре и морозе, гнетущих друг друга»!

Бай Сяоси скрыла всю свою боль и печаль, ещё усерднее занялась учёбой и делами студенческого совета, но больше всего она старалась изучить всё, что могло помочь ей войти в этот круг. Она была бесконечно благодарна своей понимающей матери.

Без её помощи она бы сегодня снова опозорилась. Она не боялась выглядеть смешно перед другими, но ни за что не хотела, чтобы Шао Цихань увидел её в таком состоянии.

Уверенная в себе Бай Сяоси решила в этот важный день объяснить Шао Циханю своё происхождение, выразить свои чувства и поделиться своими мечтами. Она верила, что это приведёт её к успеху.

Но она никак не ожидала... что он... он скажет такое!

«Я никогда тебя не любил».

«Даже больше».

«Я тебя презираю».

Ха-ха-ха.

Бай Сяоси плакала, её сердце разрывалось.

Не то чтобы он никогда её не любил, просто он изменился, верно? Она пусто смотрела в направлении, куда ушёл Шао Цихань.

Мама, ты была права, мужчины все изменчивы...

Бай Сяоси дрожащей рукой достала из сумочки маленький пакетик.

Хань... не вини меня...

Это ты заставил меня... прибегнуть к этому!

Вечеринка была в разгаре, гости веселились, и все были довольны.

С самого начала Мужун Цзю лично наливал вино гостям. Сначала все стеснялись и пытались взять эту почётную обязанность на себя, но Мужун Цзю сказал: «Не хотите меня обидеть?» — и они сдались, с благоговением принимая его «услугу». Вскоре многие уже немного захмелели, атмосфера стала ещё более оживлённой, и все развеселились.

Мужун Цзю был занят с этими шумными друзьями, и только когда все наелись и напились, начали «уставать» и расселись по диванам, играя в настольные игры и бросая кости, он наконец смог незаметно выскользнуть из ярко освещённой комнаты.

<http://bllate.org/book/15114/1335861>